

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Николая Станиславовича Мясникова на тему «Археологические памятники первой половины I тысячелетия н. э. Сурско-Свияжского междуречья», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.06 - Археология.

В этнокультурном плане Сурско-Свияжское междуречье занимает промежуточное положение между территорией западных (волжских) и восточных (прикамских) финнов, что обуславливает особую важность данного региона для изучения процессов их этногенеза. В литературе происхождение западных финнов традиционно связывают с миграциями с востока. Однако по-прежнему дискуссионной остается точка зрения о времени совершения данных миграций. Причем наибольшие споры вызывает вопрос: имели ли место данные миграции в первые века нашей эры?

Для решения данной проблемы, тема, выбранная автором диссертации, безусловно, является ключевой. Актуальность данного выбора также объясняется тем, что в сравнении с сопредельными территориями уровень научного осмысления археологических древностей Сурско-Свияжского междуречья задержался на уровне 70-х годов прошлого века. Поскольку после исследований А.Х. Халикова и Н.В. Трубниковой памятники первой половины I тысячелетия н. э. данного региона оказались на периферии внимания археологов.

Хорошо продуманными и детально обоснованными являются территориальные и хронологические рамки диссертации. Целью работы автор ставит культурно-хронологическую атрибуция археологических памятников Сурско-Свияжского междуречья. Однако судя по задачам и предмету исследования, в которых фигурируют: изучение генезиса и развития археологических культур, в реальности она шире цели, заявленной в диссертации. Впрочем, нельзя не отметить, что именно подобное расширение

цели исследования позволило автору досконально проработать культурно-хронологическую атрибуцию древностей данного региона.

Диссертация Н.С. Мясникова состоит из введения, четырех глав, заключения и объемного Приложения, в котором собраны воедино практически все известные сведения и иллюстративные материалы по памятникам первой половины I тысячелетия н. э. Сурско-Свияжского междуречья. Наличие подобного Приложения свидетельствует о детальной проработке всего комплекса источников, хранящихся в архивах и фондах музеев, что позволило создать надежную базу диссертационного исследования. Отдельного упоминания заслуживает высокое качество иллюстративного материала и подрисовочных подписей, отвечающих всем стандартам работ, предназначенных для публикации.

Первая глава диссертации посвящена истории изучения сурско-свияжских памятников. В ней обоснованно выделяется четыре периода, каждый из которых имеет определенное содержание. Весьма отраднo, что автор не ограничивается хронологическим перечислением исследованных памятников, а прибегает к аналитическому разбору существующих концепций. При этом он, не взирая на авторитеты, объективно оценивает слабые стороны автохтонной теории А.П. Смирнова о происхождении финно-угорских культу Поволжья, которая в 60-е годы прошлого века стала своеобразным препятствием для дальнейшего изучения данной проблемы.

Во второй главе диссертации анализируются памятники андреевско-писеральского типа. При их анализе Н.С. Мясников не рассматривает материалы Андреевского кургана, по причине их нахождения за пределами Сурско-Свияжского междуречья, что не совсем оправдано, поскольку они представляют собой единое целое с остальными памятниками, занимая среди них центральное место. При оценке данной главы, необходимо отметить стройность, разработанной автором классификации материала, большинству типов которой подобраны многочисленные и доброкачественные аналогии, что является надежной основой для достижения цели диссертационного

исследования - определения культурно-хронологической атрибуции памятников указанного региона. Важным вкладом в разработку данной проблемы является расширение круга андреевско-писеральских памятников, к которым вполне обоснованно Н.С. Мясниковым относится ряд городищ, селищ, кладов и случайных находок. Материалы этих памятников детально анализируются и вводятся в научный оборот на современном научно-методическом уровне. При этом автор не гонится за числом, тщательно пропуская их сквозь сито критического анализа источников.

Солидная проработанность источниковедческой базы позволяет Н.С. Мясникову выдвинуть весьма интересную гипотезу о существенной роли «позднескифского» населения в формировании памятников андреевско-писеральского типа, которая объясняет наличие ряда артефактов западного облика в материалах Сурско-Свияжского междуречья. Кроме наличия серии близких аналогий в погребальном обряде, инвентаре и керамике, подобное участие достаточно вероятно еще и в силу того, что на рубеже эр исконные скифские территории в степной зоне оказались, захвачены сарматами. Этот фактор мог привести к вынужденной миграции части скифских племен на территорию Западного Поволжья.

Весьма обоснованным представляется высказанный тезис об отсутствии преемственности между городецкой керамикой и посудой поселенческих памятников андреевско-писеральского типа. Безусловно, не имеет никакого отношения к городецкой культуре и, так называемая, «позднегородецкая» керамика. Существенный хронологический разрыв между городецкими и андреевско-писеральскими памятниками имеет место не только на территории Сурско-Свияжского междуречья, но и в Верхнем Посурье. При этом автор явно недооценивает влияния прикамского населения, многочисленные аналоги, в материальной культуре которого справедливо отмечены им в описательной части главы. Подобная недооценка вытекает из предположения о том, что наличие прикамских признаков в культуре населения Сурско-Свияжского междуречья объясняется развитием местных

традиций, истоки которых видятся Н.С. Мясникову в культуре текстильной керамики и позднеананьинской, представленной материалами Чурачикского могильника, что вызывает определенные возражения. Прежде всего, не очень понятно, какие именно признаки могли быть восприняты андреевско-писеральским населением из культуры текстильной керамики? Предположение о возможном участие в их этногенезе местного позднеананьинского населения, более вероятно, поскольку ряд артефактов андреевско-писеральского типа не имеют аналогов в древностях других регионов, что наталкивает на мысль об их местной природе происхождения. Достаточно близки керамике Андреевского кургана плоскодонные формы сосудов Чурачикского могильника, однако остаются вопросы связанные с наличием существенного хронологического разрыва между памятниками данных типов. Чурачикские погребения датируются авторами раскопок IV – III вв. до н. э.¹, хотя их маловыразительный инвентарь не исключает и более позднюю хронологию. –

Особый акцент в диссертации сделан на описании различий в костюме андреевско-писеральского и пьяноборского населения, которые, конечно, важны, однако с учетом того, что в сложении местной культуры приняло участие не менее двух компонентов, их присутствие вполне объяснимо и даже обязательно.

Не бесспорным, на наш взгляд, является отнесение к памятникам андреевско-писеральского типа раннекошибеевских древностей, синхронизация которых И.Р. Ахмедовым и И.В. Белоцерковской до сих пор обоснована только в тезисной форме², требующей более основательного подтверждения. Ранние кошибеевские погребения явно не старше захоронений Сергачского могильника «Кожина слобода», материалы которого

---

¹ Каховский Б.В., Ильина Е.В. Новые исследования Чурачикского могильника в 2001 году // Новые археологические исследования в Поволжье. Чебоксары, 2003. - С. 195.

² Ахмедов И.Р. Белоцерковская И.В. Хронология Кошибеевского могильника // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Тезисы докладов конференции. - М.: ГИМ. 1999. - С.56-58.

справедливо отнесены Н.С. Мясниковым к следующему хронологическому периоду.

Третья глава диссертации в значительной степени основана на новых материалах памятников, исследованных самим автором, что придает её особую ценность. В этом плане особенно важен Сендимиркинский могильник, открытие которого позволило восполнить пробел в хронологии развития не только местных памятников, но и мордовских древностей более обширного региона, поэтому его значение трудно переоценить. Выделение данных могильников в особый тип памятников Сендимиркино-Таутово представляется нам обоснованным и своевременным.

Также как и в предыдущей главе, материалы выделенного типа памятников детально проработаны Н.С. Мясниковым на должном научно-методическом уровне. Особенное внимание уделено керамике, которая имеет первостепенное значение для определения культурной атрибуции археологических комплексов. Именно анализ керамики позволяет автору прийти к закономерному выводу о наличии преемственности в развитии местных культурных традиций. Весьма важными являются наблюдения о появлении новых типов сосудов: горшков высоких пропорций и мисковидных сосудов, происхождение которых он связывает с влиянием со стороны керамических традиций лесостепных культур «позднескифских», позднезарубинецких/киевских. Приведенные аналогии действительно имеют место, однако на памятниках Сендимиркино-Таутово появление подобных форм, скорее всего, носило опосредованный характер. Поскольку те же самые формы посуды характерны для Кошибеевского и Польно-Ялтуновского могильников, население которых, вероятно, испытывало непосредственные импульсы со стороны носителей памятников типа Ново-Клейменово. При наличии обширных широтных контактов андреевско-писеральских племен с населением западных территорий, подобное заимствование керамических традиций в среде родственного кошибеевского населения представляется вполне вероятным. Следует также отметить, что сендимиркинские сосуды

относительно высоких пропорций находят более близкие аналогии в керамике Салиховского и Дербеневского могильников бассейна р. Белой, материалы которых иллюстрируют процессы смешения местного финно-угорского и пришлого позднесарматского населения³.

Несмотря на ограниченное количество датирующих предметов на памятниках типа Сендимиркино-Таутово, достаточно убедительным выглядит определение их хронологической позиции второй половиной II – первой половиной III века н. э. Поскольку Н.С. Мясниковым верно очерчена, та хронологическая лакуна, которую занимают данные памятники в эволюционной шкале древностей волжских финнов.

Некоторые возражения вызывает только синхронизация ранних материалов Сендимиркино с 1-ой хронологической группой погребений (по периодизации В.В. Гришакова), из древнемордовских могильников Верхнего Посурья. Следует отметить, что основные исследователи этих памятников В.И. Вихляев и В.В. Гришаков, не находят в них комплексов, которые датировались бы ранее начала III века⁴. И.Р. Ахмедов допускает возможность датировки ряда западных импортов из древнемордовских могильников Верхней Суры и Мокши второй половиной II века, однако верхняя хронологическая граница бытования этих импортов им также определяется началом - первой половиной III века⁵. К тому же явная тенденция запаздывания западных импортов круга выемчатых эмалей в древнемордовских памятниках хорошо прослеживается в материалах Абрамовского, а отчасти и Тезиковского могильников⁶.

Судя по тому, что нижнесурские древности первых веков нашей эры в

---

³ Пшеничнюк А.Х. Дербеневский курганный могильник поздне-сарматского времени в Западном Приуралье // Проблемы хронологии сарматской культуры. Волгоград, 1992. - С.82.

⁴ Вихляев В.И. Происхождение древнемордовской культуры. - Саранск. 2000. - 131 с: Гришаков В.В. Хронология мордовских древностей III-IV вв. Верхнего Посурья и Примокшанья // Пензенский археологический сборник. - Вып. 2. - Пенза: ПИРО, 2008. - С. 82-137.

⁵ Ахмедов И.Р. «Свев» из Мордовии. К изучению культурных контактов поволжских финнов в III в. н.э. // РА. - 2010. - № I. - С. 26-37.

⁶ Ставицкий В.В. Шитов В.Н. Планиграфия и хронология Абрамовского могильника // Археология Восточноевропейской лесостепи. - Пенза. 2013. - Вып. 3. - С. 255 - 278.

целом развиваются в том же направлении, что и культура древнемордовских могильников, имеющиеся отличия в их материалах носят не столько локальный, сколько хронологический характер. Особенно наглядно данный факт иллюстрируют различия в форме височные подвесок, которые нельзя объяснить только локальными причинами, поскольку, судя по материалам Иваньковского могильника, в дальнейшем нижнесурские украшения становятся значительно ближе к типично мордовским подвескам. На наш взгляд, материалы Таутово и Седимиркино синхронны ранней группе захоронений Ражкинского могильника, которые были выделены по итогам раскопок 2015 года⁷.

Важным является наблюдение Н.С. Мясникова о редком использовании пьяноборских вещей в погребениях Седимиркинского могильника, которое, видимо, свидетельствует об ослаблении былых связей с населением бассейна р. Камы, и прежде всего о прекращении в этот период притока камского населения на территорию Сурско-Свияжского междуречья.

Четвертая глава диссертации посвящена культурно-хронологической атрибуции памятников древнемордовской культуры, среди которых опорными являются городище Ножа Вар и Иваньковский могильник. Особенный интерес представляет выполненный автором диссертации анализ материалов городища, поскольку на остальной территории распространения древнемордовских древностей данного периода поселенческие памятники исследованы крайне слабо.

Объемная работа Н.С. Мясниковым проделана по реконструкции и статистическому анализу керамики городища, благодаря которой теперь можно составить представление о поселенческой древнемордовской посуде первой половины I тысячелетия н. э. Поскольку до сих пор наши данные об этой важной категории материальной культуры базировались исключительно

---

⁷ Гришаков В.В., Ставицкий В.В. Хронология древнемордовского Ражкинского могильника // Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук: сборник статей II Международной научно-практической конференции / МНИЦ ПГСХА. - Пенза: РИО ПГСХА, 2015. – С.14-18.

на погребальной керамике, которая обладает рядом специфических признаков. Ценность данного источника обусловлена еще и тем, что в погребениях Ивановского могильника керамика встречается достаточно редко, а качество её воспроизведения в отчетах о раскопках оставляет желать лучшего.

Детальный анализ поселенческой керамики позволил автору диссертации прийти к аргументированным выводам о преемственности керамических традиций нижнесурского населения на данном хронологическом этапе (конец III – V вв.). Наряду с сохранением прежних традиций в керамической коллекции городища Ножа Вар фиксируются инновации, связанные с распространением мисковидной посуды. По мнению Н.С. Мясникова, это могло произойти в связи с изменением местной керамической моды. Конечно, подобные инновации могли возникнуть в результате саморазвития, однако серьезные изменения в это же время происходят и погребальной обрядности местного населения. В частности на Ивановском могильнике получают распространение вторичные захоронения и трупосожжения. Причиной столь существенных новаций, как в керамике, так и в погребальной обрядности, скорее всего, был внешний импульс, проводником которого, видимо, было родственное население бассейна реки Теши. Поскольку примерно в это же время, похожие изменения наблюдаются в культуре Абрамовского могильника⁸.

Первоисточником данного импульса, вероятно, было население рязанского Поочья, что справедливо признается автором диссертации, при анализе других категорий материальной культуры населения Сурско-Свияжского междуречья. При этом Н.С. Мясниковым указывается на ряд локальных признаков данных материалов, которые отличают их от древнемордовских памятников других территорий. Одним из наиболее ярких отличий, по его мнению, являются каплевидные и шаровидные формы грузиков на височных подвесках Ивановского могильника. Однако в публикации П.П. Ефименко описаны подвески с бипирамидальными и

---

⁸ Ставицкий В.В., Шитов В.Н. Указ. соч.

биконическими формами грузиков, типичные для мордовских могильников⁹. Информация о шаровидных формах грузиков основана преимущественно на изображениях из отчета Р.Д. Ворониной, но, судя по всему, эти рисунки выполнены не археологом, а художником, который зафиксировал контуры грузиков без учета потери предметом своей первоначальной формы в результате окисления. Подобные шаровидные формы грузиков, на которых из-за процесса окисления не заметно граней хранятся в настоящее время в фондах Пензенского краеведческого музея, однако в публикациях М.Р. Полесских они всегда имеют коническую, биконическую или бипирамидальную форму¹⁰. Поэтому локальные отличия, имеющие место в материалах Иваньковского могильника представляются не столь существенными.

Среди замечаний методического характера, можно отметить только один существенный недостаток, касающийся структуры диссертации. В качестве цели исследования автором заявлена культурно-хронологическая атрибуция памятников Сурско-Свияжского междуречья, но в диссертации раздел, непосредственно посвященный их атрибуции, представлен тремя небольшими параграфами. В результате чего аргументация данного положения оказалась рассредоточена по другим разделам, что затрудняет целостное восприятие авторской концепции.

В заключении необходимо отметить, что, несмотря на высказанные замечания, диссертация заслуживает самой высокой оценки. Работа Н.С. Мясникова выполнена на хорошем научно-методическом уровне. Её основные положения опубликованы в рецензируемых изданиях и апробированы на ряде конференций. Цели и задачи, поставленные в диссертации, успешно решены. Все положения, вынесенные автором на защиту, обладают научной новизной, достоверны и всесторонне аргументированы. Автореферат соответствует

---

⁹ Ефименко П.П. Иваньковский и Гавердовский могильники древней мордвы // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Труды МНИИЯЛИЭ. - Вып. 48. - Саранск: Морд. книж. изд-во. 1975. - С. 7-36.

¹⁰ Полесских М.Р. Древнее население Верхнего Посурья и Примокшанья. - Пенза: Приволжское книжное издательство. 1977. - 88 с.

содержанию работы. Диссертация Н.С. Мясникова представляет собой самостоятельное исследование, написанное на большом фактическом материале с широким использованием личных полевых наблюдений, она полностью отвечает требованиям пунктов 9 и 10 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. №842, предъявляемым к кандидатским диссертациям. Соискатель Николай Станиславович Мясников достоин присуждения искомой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.06 – «Археология».

Официальный оппонент:
профессор, д.и.н., доцент

В.В. Ставицкий
12.05.2016 г.

М.П.

Подпись официального оппонента заверяю
Ученый секретарь Ученого совета
Пензенского государственного университета
кандидат технических наук

О.С. Дорофеева

Сведения об официальном оппоненте
Пензенский государственный университет,
кафедры всеобщей истории, историографии и археологии,
Профессор
Адрес 4400026 Пенза, ул. Красная, 40
Тел.: (841) 256-35-11;
E-mail: rector@pnzgu.ru